

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Юлия
Качалкина

Редакция

ФТМ

УДК 82-2
ББК 84(2Рос)-6
К30

***Файл книги для электронного и PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»***

Качалкина, Ю. А.

К 30 Редакция: Пьеса / Юлия Качалкина. — М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2016. — 74 с. (Библиотека драматургии Агентства ФТМ, Лтд.).

ISBN 978-5-4467-2461-1

Пьеса — острополемиическая и скандальная. В основе — быт и нравы газеты, занимающейся рецензированием книг и освещением литпроцесса. Главный редактор — в прошлом талантливый поэт, но утратил веру в искусство на фоне циничной действительности. Его оппонент — легендарный Поэт, друг Бродского, решивший уйти из дома после скандала с женой... Два поэта встречаются, и это меняет жизнь каждого из них. Все прототипы очень узнаваемы. В 2006 году пьеса была удостоена премии Тома Стоппарда.

ISBN 978-5-4467-2461-1

© Качалкина Ю. А., 2016

© Агентство ФТМ, Лтд., 2016

Действующие лица

Осип Эмильевич Хесин — симпатичный мужчина лет сорока с длинными светлыми волосами. Роста маленького, злопамятный, но всегда дает взаймы. Носит огромные прямоугольные очки, любит неожиданно вскрикивать и пить «Зубровку» (хотя за этим делом его ни разу не видели). Ответственный редактор газеты. «Первопечатник».

Саша Воскресенский — зам Осипа Эмильевича. Тридцатилетний студент. Десять лет учится в Литературном институте им. Горького. Двигается несколько странно — животом вперед. Худой и высокий, выше главного редактора на полторы головы. Тоже любит «Зубровку», но в отличие от Хесина — пьет прилюдно. Считает себя поэтом.

Виктория Львовна Охина — коммерческий директор газеты «Первопечатник». Женщина в возрасте и в теле. Характер — мужской. Много курит. Стрижка почти под ноль. Из своего кресла встает лишь в случае прямой и непосредственной угрозы.

Но все про нее сказанное не имеет значения, потому что она — читай первое предложение.

Лина — секретарь-референт газеты «Первопечатникъ». Юная блондинка восемнадцати лет от роду. Второй год пытается поступить на журфак МГУ и на работе читает брошюры для абитуриентов. Очень модная. Чувствует себя центром всеобщего внимания.

Самсон Королев — новый сотрудник «Первопечатника». Любимец Охиной и просто успешный человек. Вашингтонский еврей лет пятидесяти пяти с претензией на диссидентство и заискивающей манерой общения. Кроме Охиной его не любит никто. А Хесин даже прячет от него лучшие книжки. Пишет дорогушим Parker'ом.

Лева Булочкин — настоящий богатырь с густыми славянскими кудрями и бородой. Носит всегда одну и ту же военную форму цвета хаки, купленную на Черкизовском рынке. Говорит высоким детским голосом. Наивен и тоже, как ответред, злопамятен. Всегда берет в долг. Самый отчаянный полемист газеты.

Василина Рёкк — поэтесса, первая преподавательница Хесина в Литинституте, его самый близкий друг.

Савелий Двудлюбский — ректор Литературного института им. М. Горького. Поджарый седоватый мужчина с резким взглядом на вещи. Всегда носит костюм и коричневый кожаный портфель. Советский во всех смыслах человек. Когда-то учил Хесина. Теперь учит Воскресенского.

Юрий Фальцвейн — известный московский поэт.
Уже далеко не молод.

Тамара Ираклиевна — третья жена Фальцвейна.
Гораздо моложе Фальцвейна. Поклонница его таланта — в бытность до замужества.

Юрий Геннадьевич и Толя — охранники в редакции.

Ирочка, Анечка и Настя — студентки Фальцвейна.

Человек с кинокамерой.

Человек с микрофоном.

Женщина за столом.

Саша — студент Фальцвейна, человек в длинном шарфе.

Игорь — студент Фальцвейна.

Второй мальчик и Третий мальчик — два студента Литературного института им. Горького — без имен.

Лаборант Литературного института имени М. Горького.

Галина Дмитриевна — сотрудник редакции, женщина в химической завивке и очках.

Старик на трамвайной остановке.

Женщина на трамвайной остановке.

Юный Автор.

Врач скорой помощи.

Два медбрата.

Две кошки — одна рыжая, вторая дворовая.

Выпускники Литературного института на вечере в честь семидесятилетия первого выпуска.

Действие первое

Акт 1

Небольшая комната на первом этаже старинного московского особняка в центре города. Два окна. Напротив каждого — облезлый письменный стол, на нем — компьютер. У стены — до самого почти до потолка деревянный шкаф с тяжелыми чугунными ручками. Распахивается настежь всякий раз, как кто-нибудь, входя в дверь, наступает на одну проклятую половицу. Повсюду книги. У правой стены они свалены в две огромные кучи. Сверху враспыху валяется чей-то поэтический сборник. День. У одного стола стоит черная спортивная сумка. Среди бумаг и ручек на тарелке — два пирога. Никого как бы нет (Воскресенский сидит за углом — его не видно — и задумчиво читает свежий номер «Первопечатника»). За окном беспокоится поставленный на сигнализацию автомобиль.

Хесин (появляясь в дверях, прислоняется к косяку левым плечом и долго смотрит перед собой. Вдруг тихо начинает говорить стихами).

Невозможный старик из Вермонта
Отрастил бородищу для понта.
Не стоит сердиться —
Это не Солженицын,
А обычный старик из Вермонта!..

Воскресенский (высовываясь из-за угла, сильно заторможенным голосом на одной интонации). Рискуешь, Осенька... вдруг мы нынче Алексан Саича любим? Дай мне пирог. Гы!..

Хесин вздрагивает. Дверцы шкафа распахиваются.

Хесин (хмурясь и порываясь к столу и шкафу одновременно). Ну вот, ты!.. Я же просил не пугать меня зря!

Воскресенский (пристально глядя на пироги). Дай мне пирог. Я с утра ничего не ел.

Хесин (запихивая выпавшие книжки обратно на полки — как попало). А сейчас и не утро уже! Ага! Я, между прочим, обедаю! А тебе — вредно. Жирным будешь.

Воскресенский (никак не реагируя на шутку — все так же, на одной интонации). Почему ты такая сволочь? Ну, дай мне хотя бы одну штуку. Ты — завтракал. Дай.

Хесин. Не дам. Я старый — могу неожиданно умереть. Поэтому обедаю дважды. Отстань.

Воскресенский берет оба пирога и заталкивает их в рот, ничуть при этом не давясь.

Воскресенский (*возвращаясь к чтению газеты*). Ненавижу тебя. Зараза. Смотри, что я, оказывается, написал. Интересно.

Хесин (*уже прожевав и проглотив пироги, облизывается*). Что? Икота прошла, да? Расшифровал-таки?

Воскресенский (*смутно поднимая глаза от газеты*). А ты что — видел? Я вот ничего не помню. Помню, был парк, ты опоздал, потом Лева принес свиную нарезку и пластиковые стаканчики — упаковка пять штук, цена пятнадцать семьдесят за все, и потом — эта баба... о-ооо!.. (*Горестно закрывает лицо газетой.*)

Хесин (*подходит к Воскресенскому, присаживается на его письменный стол. Дурашливо-ласковым голосом*). Ну, что она? Обидела тебя? Не плачь, маленький! Тетки — они такие! Им только дай поиздеваться над Воскресенским! Не плачь, маленький! (*И вправду гладит его по голове грязной рукой. Рука — в масле от пирогов.*)

Воскресенский (*не замечая подвоха*). Я написал, что мы сидели в Покровском-Стрешнево. Мы что, правда, там сидели? Ни черта не помню.

Хесин (*продолжая издеваться*). Мы там не только сидели. Мы там ходили и даже лежали, Сашенька!